

АССЫ В МАССЫ

Миша Бастер, 2017

Хулиганы-80

Миша Бастер

АССЫ – В МАССЫ

«Accent Graphics communications»

2005–2015

Бастер М.

Ассы – в массы / М. Бастер — «Accent Graphics communications»,
2005–2015 — (Хулиганы-80)

Заключительная часть субкультурной саги «Хулиганы-80» посвящена творческому этажу андеграунда в период, когда в восьмидесятые годы после ослабления цензуры, на сцены и в выставочные залы расплзающейся по швам советской империи хлынул поток оголтелой самодеятельности. Это истории о том, как после прорыва на официальную сцену, все кто оказался на ней неофициально, пытались найти свое место в канве процесса, обозначенного руководством страны как Перестройка, Гласность и Ускорение.

© Бастер М., 2005–2015

© Accent Graphics
communications, 2005–2015

Содержание

Гарри Асса	7
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Миша Бастер

Ассы – в массы. Часть четвертая

© М.Бастер 2005-2015

Фотоархив © www.kompost.ru

* * *

*Участникам, ушедшим, и всем кто это терпел, особенно родным
и близким, посвящается.*

Фотография Петры Галл. Хенк и Гарри, 1987

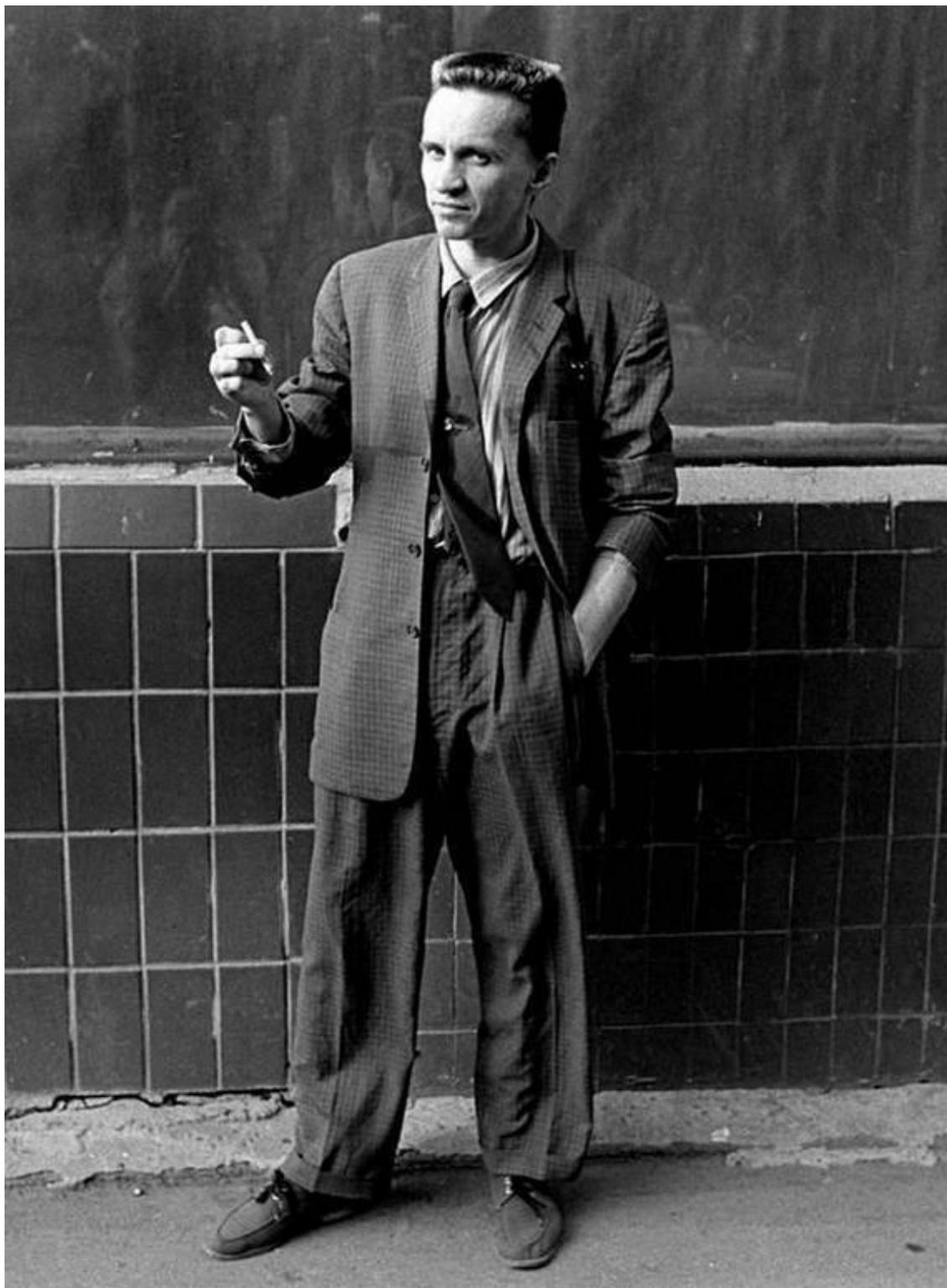
Гарри Асса

Активный участник субкультурных коммуникаций восьмидесятых-девяностых годов прошлого века. Основатель авангардного дома моделей «Ай-да-люли» и субкультурного панк-дендизма.

Г.А. Детство у всех было понятное, как и у меня. Папа художник, мама учительница. Полное отсутствие какой-либо информации. В общем, мрачные шестидесятые. Но все-таки это был Дальний Восток, и там было два прогрессивных города. В Хабаровске уже тогда был отлажен иностранный туризм. Через город шла туристическая авиалиния, где дозаправлялись самолеты, следующие курсом на Японию из Европы. Еще – Владивосток: хоть и закрытый город, но все-таки порт. Так вот, делать там по большому счету было нечего, хотя сам город был населен достаточно культурными людьми, вполне себе нормальными. Пьют водку, от души веселятся, братаются. Спел за столом песню – друг навеки. Владивосток другое дело; там все-таки Приморье, климат помягче, а город закрытый, и люди соответственно, несколько другие. Такая консервная банка: люди в ней тухнут. В Хабаровске все-таки институт восточных языков, все комитетчики там учились, да и сейчас, наверное, учатся. Будущие шпионы... А если серьезно, то в конце шестидесятых в Хабаровске был наплыв молодой интеллигенции, и город стал несколько странным. Суди сам – маленький город, а пять театров...

М.Б. Аномалия. Может, комсомольцы город будущего хотели там построить?

Г.А. Нет. Комсомольцы один уже себе построили – на Амуре и, видимо, надорвались. А в Хабаровск понаехало военных высокого уровня, и все стали ловить сигналы из космоса. Вот где киберпанк зародился на самом деле. Супер аппаратура, о которой мы вам не расскажем...

Гарри Асса, 1987 год. Фото Осы Франк

М.Б. Ага, ловили сигналы из космоса, записывали на бобины, а потом дискотеки для комитетчиков под них крутили в стиле диско...

Г.А. Да-да-да... А вообще после конфликта на Таманском острове, когда китайцы были готовы ломануться в хабаровские прерии, но их превентивными методами остановили... А то набежали бы как муравьи, прикинь, их там миллиард и все голодные. Всех бизонов бы вмиг пожрали, а Хабаровску кранты были бы в первую очередь. Мне, малышу, нравилось одно. Где-

то в 66–67-м году я создал группу, типа местный «Битлз», не меньше... Называлась «Зе Флит энд бойз». Что это значит, я до сих пор не знаю. Была группа, нас потом выгнали со школьной базы, репетиции продолжились на квартирах. А концерты давались на школьных вечерах. Гоняли нас, как положено.

М.Б. Мы тут, кстати, новый адаптивный термин для рок-н-ролла вывели; все же его в период семидесятых пытались на русские корни насадить, но как-то не вышло. Тогда проблема первичная была серьезная, и все спорили – петь на «пидже инглише» или на русском. А тут решение вопроса созрело. *Кул*и*бяка*, вот их-то, кулибяки, и лепили.

Г.А. Тогда уж «кул энд байки»....

М.Б. Телеги...

Г.А. Телеги были в основе всего раскачивания. И не умеющие красиво гнать, просто не воспринимались как интересные люди. Возможно, это советское наследие, когда люди фантазировали на тему; скорее, этот феномен имеет более глубокие фольклорные корни. Но при этом в русской культуре, с ее традицией анекдота и сказок, более важным, чем красивое слово (как бы не утверждали некоторые писатели и поэты), всегда была красивая история или, как теперь говорят, *прогон*. И в панковский период фольклор имел немалое значение. Так персонаж русских народных сказок трансформировался в фекальное божество – *Калобог*...

Вот, понагнали в Хабаровск молодых разведчиков со знанием восточного языка, вникнуть в колорит местной культуры. Со многими подружились, а лично мне они помогали переводить всякую там литературу. Тогда был период хиппи и увлечение восточной философией. А транзитной точкой между востоком и западом оказался Хабаровск. Где музыканты и туристы гуляли всего один день и продолжали свои путешествия. Там не было ни французов, ни итальянцев, только «бритиша» и американцы; причем в основном хиппи, которые действительно чем-то интересовались по жизни. Потом еще появился рейс Аляска-Хабаровск, и поехали простые парни. Самую страшную подростковую проблему – отсутствие информации – можно было не без труда решить через этих людей. Радио мы тоже записывали и переводили. Но на слух это было очень сложно. Никаких планов о какой-либо революции тогда не было, была просто проблема самореализации. Я даже не утюжил, а просто поставил утюжку на уровень и лично перестал участвовать в этом процессе. У нас тогда город был отделен мостом, за которым была слободка, населенная хулиганами. Там жили мои родственники, а сам я с товарищами жил на другой стороне и слыл уважаемым подростком, потому что одевался смешно, да и жизнерадостным был. Потом это сыграло свою роль.

А так, в силу своей коммуникативности, были очень быстро налажены связи по всему городу. Тогда у нас было очень спортивное детство. Алкоголь мы как-то не очень уважали, поэтому все интересы сосредоточились в области изучения восточных боевых искусств. Вот таких парней мы объединили в единую коммуникацию. Видеомагнитофонов тогда не было, были только катушечные магнитофоны. И вот, когда мы уже стали себя чувствовать достаточно информированными и раскрепощенными, стало интересно – а как себя чувствуют остальные жители города? И лично я столкнулся с тем, что в городе существует культурная прослойка, которая пишет (за деньги, конечно) Элвиса Пресли, Пэта Буна, Клиффа Ричарда. Иного не было вовсе, даже «Ху». Были и пласты на «костях». Записи стоили, как и везде, пять рублей (комплексный обед в московском ресторане без алкоголя стоил столько же). Попасть в эту тусовку было не просто, но не для меня. Тогда мне было лет пятнадцать, но я уже слушал «Дорз», Фрэнка Заппу, «Джефферсон аэроплан»... Все учились в школе. Денег, стало быть, не было, а «винил» стоил от пятидесяти рублей и... уж не знаю, сколько там. Страшные по тем временам деньги, а иностранцы с собой «винил» не возили. Только где-то в семидесятом году иностранцы подарили мне «сорокопятки» «Криденс». А «Лед Зеппелин» и «Блэк Саббат» тогда вообще было не найти. Когда они появились, это была уже революция. Все стили тогда были в общей куче, но каждая новинка была праздником на весь город. Только пришла

пластинка, сразу шел пиар, все начинали бегать – искать, у кого бы записать. И этот процесс всколыхнул мирный город, где-то на месяц.

С этой музыкой, с этой информацией о стилях и внешнем виде, пошли изменения в молодежной среде. Стали носить длинные волосы, и тут же огребли от властей. Еще насильно не стригли, но в четвертом классе я сшил себе какие-то клеша с цепочкой и пришел в школу, первую прическу себе состряпал. Хотел ежик, а получилось черти что, потому как стриг неопытный в этом деле сосед. Какие-то клочки, которые я натер по совету товарищей хозяйственным мылом. Когда я появился в школе, там, конечно же, случился шок. И вот так вот постепенно, постепенно, наступил 71-й год.

Да, была такая история, тогда многие утюги оперировали иконами. И вот мне один раз очень старая икона попалась. Хотел сначала пойти, ну, обменять там, как все нормальные советские люди на джинсы, жвачку... смотрел я на нее, смотрел... И так подумал: а чего она мне такого (икона) сделала, чтоб ее взять, да и обменять? Оставил я ее себе и начал искать всякие брошюры – тогда же религия тоже под коммунистическим запретом была. Почитал, решил, что вот это – мое. И философия хиппи мне подходит. А потом мое фото просочилось в прессу, в статейку про хиппи позитивного толка, где написали, что «эти мальчишки с длинными волосами, с надписью «люди за мир», с сумкой от противогаса, протестуют против войны». И вот после этой статьи подняли на уши весь комсомольский актив, кого отловили и подстригли, кого в «дурку» положили, кого-то просто посадили.

И понеслась у нас революция хиппи, спровоцированная местными бюрократами. Мне пришлось просто уйти из дома, там уже были постоянные засады. Как это делалось: оперативники без формы провоцировали на грубость (а все они были наглыми), якобы звали на помощь тут же стоявших прохожих (тоже оперативников), крутили и пристраивали по случаю, в зависимости от оказываемого сопротивления. Поэтому у нас в стране хиппи – а их правильнее называть битниками (потому что слушали бит) – были далеко не мирными, не смотря на все свое желание быть в гармонии с окружающей средой...

М.Б. В принципе, на Западе первые битники, из которых выросло поколение байкеров, тоже умели постоять за себя. Все изменилось с популяризацией движения, когда костяк тусовок был размыт пришлыми доморощенными жлобами.

Г.А. Да. И несмотря на то, что я ушел из дома, неприятности все равно меня настигли. А дело было так. Мне тогда американцы подарили майку «Изи райдер» (по названию культового фильма начала семидесятых): блин, как знали. И вот шел я на пляж в фисташковых клешах в полосочку, очки «райбан» дорогушие и в сумке «американ» – «сорокопятки» и документы. А у меня там лежали на пляже пять знакомых шведов, тоже волосатых, с которыми я хотел обменяться пластинками. И так получилось, что мне пришлось проходить мимо станции спасателей, которая стояла на горе. А там сидели милиционеры, человек пять, распаренные, с расстегнутыми рубашками. И когда я проходил мимо, сказали: «Так, ну-ка сюда пошел. Сейчас будем подстригать!» Я подумал, что это очередная провокация и решил не вестись. К тому же, хипповская теория человеколюбия подвела. А они давай меня ловить, бегать. Выдернули из-под меня ноги, подняли над головой (а они здоровые-таки мужички). И понесли в эту спасательную будку. Сумка с пластами и документами сразу ушла куда-то. Я подумал, что надо сваливать, но было поздно. Бросили меня в эту будку, скрутили, принесли ножницы. Один жирный мент сел на ноги, другой придавил спину, и давай из меня Рода Стюарта делать. Я потерял сознание, не от страха. А от того, что просто сдавили сильно (мне-то семнадцать всего было и не особо богатырь). Милиционеры, конечно же, испугались, заверещали тому, что спину придавил, он слез... С первым глотком воздуха я на автомате хватаю ножницы, которыми меня стригли, и просто крутанул их над головой. А очнулся я окончательно, от душераздирающего воя, который издавал мент со сломанными пальцами (ножницы были такие, старого образца, крупные). Насыпали мне, конечно, и просто выкинули из этой будки. Весь пляж, было полно

народа, услышавший крик, конечно же, отреагировал. Люди повскакивали. Ну и я понял, что уже на сцене. «Шоу маст гоу он». И пошел в народ. Люди расступились, образовав коридор, я дошел до своих знакомых и толкнул речь о том, мол, так и зарабатывали себе фашисты железные кресты во время войны... Прочитал лекцию; прибежали менты, а народ уже впрягся, мол, за что мальчиков, взрослые мужики, мучаете. И я пошел сквозь толпу, с разорванным рукавом, ключьями на голове, крови там чуть-чуть было. В общем, дал Иисуса Христа, при этом повторить тогда его финальный путь в те времена можно было легко.

М.Б. Ага, «биробиджанский мессия»...

Г.А. Да там уже не было никаких иудеев, как только границы открыли, все тут же свалили в полном составе...

После того случая за мной сразу потянулась вереница молодежи. Конфликты были и с родителями, которые понимали, но находились под социальным прессом и боялись. В итоге меня все-таки сдали в военкомат, осенью 72-го года, куда отвезли под конвоем. Можно было бы и не сдаваться, потому как страха никакого уже не было, но вот поехал туда, и меня второй раз постригли. У меня там случилась истерика; я пришел домой, включил «Джефферсон Аэроплан», слезы льются, но как-то обошлось без суицида. И вот тогда я и решил, что как-то все несправедливо вокруг и надо все это менять. Никому, вроде, ничего плохого не сделал, а тут...

М.Б. Да, обидно.

Г.А. Я пошел в театр работником по сцене. Пока отрастали волосы, устроил туда своих знакомых из нового поколения бунтарей. Старое поколение, оно как-то забилося по углам, а молодежь, на глазах у которых происходили все гонения, были уже другими. Наглыми, не хиппи – просто отрастившими волосы из вредности, битниками. При этом волосы к 75-му году уже никого не раздражали, только особая одежда и особое поведение. Потом мне еще помог подрабатывать в местном Росконцерте фанат рокабилли, тоже репрессированный. И еще я был задействован в местной театральной труппе. Весь этот процесс меня активизировал.

Выходила у меня вполне нормальная местная зарплата, рублей в триста, по советским временам – хорошие деньги. Коммуникация музыкальная уже была поставлена и работала, как завод. Информация фильтровалась очень жестко. Денежная масса копилась, а покупать-то в Хабаровске было нечего. Потому что не бухали, только покуривали; но это все было через систему угощения, денег за это не просили. Постепенно я пришел к выводу, что надо делать группу. Бегание по городу в одиночку ничего не изменит, хотелось просто разбудить весь город, чтобы очевидное не казалось невероятным. В городе все концы были у комсомольцев, которые проводили танцы, пьянки, драки на площадках заводских клубов... Позже стали приезжать эстрадные артисты – Магомаев, «Червонные гитары», «Пудис» – и это было событием городского масштаба.

Был такой момент, что власти как-то расслабились, а молодежь уже подросла. Уже была готова группа. Про нас все уже знали. Пели мы первые песни на английском, причем до девяти вечера пели песни: *«нам бы, нам бы, нам бы всем на дно»*, *«протяжным басом гудит фугас»*, *«спит городок»* и прочие классные, не депрессивные песни из любимых фильмов. А после девяти был перерыв, все переодевались и начинали с попури из десяти рок-н-роллов – и до истерики. Володя Король, товарищ мой, к тому же еще и каратист (он же и пробил тему с площадкой), барабанил так, что люди заводились с пол-оборота.

Плюс – был поставлен на поток процесс пошива джинсов. Шили хорошо, потому как делали почти для себя и уважали качественные вещи с детства. Джинсы стоили немалых денег, и доход приносили больше, чем записи и концерты. Поскольку таких вещей было мало, а спрос был невероятный, джинсов столько уже было не наутюжить. К тому же денежного ресурса хватало на то, чтобы делать закупки парфюмерии, обуви (чухасы). Поэтому была прихвачена местная «Березка», где мы проходили, как американцы. В принципе, так оно и было. Такие хабаровские иностранцы...

М.Б. «Клуб Коттон»...

Г.А. Вся музыкальная аппаратура уже была фирменной, вещи фирменными, сознание не советское, музыка тоже. Информацией о зарубежных молодежных течениях и инновациях владели. Это и было то, что называли передовая молодежь. Разница была лишь в том, что кто-то просто хотел нажить денег, чтобы не чувствовать себя ущербным перед соседями, а кто-то хотел идти дальше и изменить ситуацию вообще.

М.Б. Причем всем было по фигу какой строй, лишь бы гопоты поменьше, а жизненного пространства для самореализации – больше. Сейчас трудно объяснить буквально, какие материальные трудности испытывали люди в стране. Сегодня вроде как что-то есть (и информации, и вещей, и еды), но не лучшего качества, а денег у населения опять не много. Тогда же были какие-то деньги, но ничего из выше перечисленного не было, в первую очередь для души. А у функционерской среды была замкнутая сеть магазинов и центров услуг, многие об этом знали. Причем гнобили их (функционеры функционеров же) не меньше чем трудяг. Это было правило, которое называлось системой, а сейчас те же самые бюрократы, только совсем стыд потерявшие.

Г.А. Именно поэтому хотелось заполнить своими личными усилиями все эти потребности. Финансовый ресурс нужен был на это, и он был честно заработан а не украден. И никакого диссидентства, никакой политики и антисоветчины, в коей многих тогда обвиняли и карали. Возможно, кого-то и не зря.

Мы тоже были ущербными, набирали «Мартини», сигары. Их все равно никто в дьюти-фри не покупал. Добивались полного соответствия с журнальными образами. Но быстро переболели этим пресыщением и занялись делом. Это был процесс излечения от ущербной ментальности, приведший к самоиронии и легкому отношению к вещизму. А в группе у нас пел человек, возможно, не самым хорошим голосом. Но понимавшим, что такое негритянские вибрации и знавший английский язык. Я писал тексты про все на свете. Рок. И вот Володя «Король» пробил через военную организацию базу под тему исполнения песен военных лет. Я, если честно, рассчитывал на неделю, но продержались мы полтора месяца. Пока специально из Москвы не прислали распоряжение прикрыть всю эту лавочку. Мы выступали в городском парке, в котором собирался весь город; скрыть это все было сложно, к тому же – как я уже говорил – в городе было много представителей надзирающих органов с прямыми столичными контактами. А люди шли как на молебен «Аум Синрике»...

Потом начались провокации, стали засылать на площадку моряков. Хотели нас прибить где-нибудь под шумок. Но мы были уже готовы, так как весь городской спортивный институт был в наших поклонниках, нас охраняли.

Параллельно мы уже пытались наладить связи в Владивостоке, но там было все проще. Помогал в этом Петр, более известный как Петя «Прокапан». Он носился везде и распространял информацию – мол, что вы тут в «консерве» сидите, все уже понеслось.

Как только мы приехали к знакомым во Владивосток, нас, конечно же, тут же обокрали и сдали местным бандитам, которые, поговорив с нами, прониклись идеями и даже какое-то время не мешали. Всем, в общем, понравилось быть не совками, носить иностранные вещи и чувствовать себя свободными, хотя последний пункт они понимали по-своему. При этом город, в котором были обычными вечерние грабежи и девушки просто боялись ходить по улицам, стал меняться. Бизнес-схемы заняли все маргинальные элементы и девушки-красавицы вывалили на улицу. Тут же мы запустили всю косметику во «Владик» и поняли, насколько женское население изголодалось по красоте. Петя умудрялся обойти за день чуть ли не весь город и всем втереть свои телеги про то, что вся власть должна принадлежать нам, уже принадлежит: в соседнем Хабаровске все уже в джинсе. И город действительно в кратчайшие сроки начал преображаться. Немалое количество населения уже ходило в джинсе, с фирменными сигаретами и прочими атрибутами иностранной жизни. Такая дальневосточная Америка...

Моряки, которых возили в город с соседней базы на паромчике и которые подметали своими дембельскими клешами улицы города, были приструнены. Петя получил полную свободу для гонима и носился с телегами по городу, уже не совсем понимая, кому и чего он говорит. И самое смешное, что ему верили, потому что гнал он поэтически и в захлеб. Собралась центровая тусовка из всевозможных расфуфыренных персонажей и красивых девушек; в барах и ресторанах играла «Шизгара» и все гуляли.

Так совпал момент, что в это время поступило негласное разрешение на ввоз иномарок через Владивосток. Сначала одну-две для каких-то там бонз. А поскольку у нас был уже денежный ресурс, то мы этот процесс ускорили и довели до абсурда. Мы стали покупать эти иномарки и перегнали некоторые в Хабаровск, а Владивосток наполнился «шевроле» и «кадиллаками». Представь себе, Сан-Франциско на Дальнем Востоке. Волосатые морды с сигарами, которые никто не покупал, на иномарках... Поездки на океан...

Причем, шоферами были сами же владельцы этих иномарок, поскольку нам эти машины были ни к чему, а им еще и денег перепадало. Для нас же машины были не средством передвижения, а средством украшения. Обнаглели до того, что начали гонять на адмиральском катере по всяческим нейтральным водам. Его потом сняли, потому что он тоже поверил во всяческие свободы и стал ездить на белом «Кадиллаке». Единственно, чего было жаль – подтянулись маргиналы, но не культурная прослойка, которая как боялась тогда, так и нынче боится.

Да, кстати, про Петра. Петя был глашатаем идей, его несло. Говорить он начал просто неделями, в эдаком хипповском раю. И все было бы хорошо, если бы один муромой не посадил Петю на прокапан. Ну и конечно же, Петр поделился такой радостью с товарищами, которых он стал науськивать врываться в административные учреждения. И вот однажды Петр, мнивший себя под прокапаном фигурой значимой не менее чем Иисус Христос, с собачкой на руках, приперся в местное отделение КГБ, где веселил всех своими телегами часов восемь, после чего его, конечно же, упаковали в дурдом, откуда он неоднократно сбежал, был отлавливаем по новой и заколот всяческими антихристосантами. Причем после каждого побега он умудрялся собирать толпу и куда-то ее вести. Закололи его в итоге так, что у меня не было надежды увидеть Петра в хоть каком-то рассудке. Но путем показа рокенрольных кумиров, а-ля Моррисон, что, кстати, подействовало, он вернулся. Но фобия насчет революций оставалась у него еще долгое время, и за ним закрепились позывные «Прокапан». После этих историй Петру доверять ответственные дела, как ты сам понимаешь, не стали. При этом стоит оговориться, Петр никогда не был клиническим сумасшедшим. Просто, как многие гениальные люди, он не всегда контролировал свои озарения и попадал в нелепые ситуации.

М.Б. А как он появился в Хабаровске?

Г.А. Сначала тусовка была однородной из местных жителей, таких, как Алекс, который шил нереальные вещи себе сам; позже, в начале девяностых, он приехал в Москву и умудрился обшить множество известнейших фигур. Потом в нашей тусовке, в начале семидесятых, появился Петя, который торговал холодильниками и умел очень весело гнать, причем часами. К тому же и музыкант неплохой, ездивший по стране и параллельно втюхивающий всяческую дребедень. Родом он был из маленького украинского городка Горловка, где тоже учудил восстание.

М.Б.??

Г.А. Мы тогда уже жили в Москве и я сдуру поперся в Горловку, посмотреть на Петины пенаты. А городок шахтерский, маленький и делать там абсолютно нечего. Ну что оставалось делать? Конечно же, революцию... Петя долго ходил на шахтерские дискотеки, где я ставил всяческие передовые группы, а Петр лечил шахтеров, что вся власть на самом деле принадлежит им, что нужно захватывать газики и тут же их пропивать... А шахтеры, это люди-молотки, возьми и поверь шизофренику. Причем, когда я тогда очень долго удивлялся, почему у здоровых красивых мужиков такой готический макияж. На самом деле это оказалась угольная пыль,

вымыть которую уже не представлялось возможным, поэтому у них был эффект покрашенных глаз. Я потом уехал, не выдержав безделья, а Петя продолжал всех грузить своими космическими идеями. И как-то так совпало, что кто-то из ментов на местных танцах вякнул, а совковым протоготическим парням только свистни. Короче, наслушавшись Петиних бредовых телег, шахтеры захватили грузовики и стали на них врезаться в местную администрацию. На самом деле история дурацкая, потому что пострадали в итоге люди – но также и показательна. Именно с шахтеров начались московские события 91-го года, куда их свозили на автобусах и показывали на всю страну, как простые рабочие парни становятся тупым орудием чьих-то телег.

М.Б. Возвращаясь к хронологии – в семидесятые доходила информация о панк-культуре или нет?

Г.А. Про панк-культуру я тогда и не подозревал. Но были «Эм си файв», «Кингз», «Трэшменз», «Раш», «Скримз», «Ти Рекс», Боуи, «Ху». К сожалению, Джимми Хендрикс не прокатил. Прессинга тогда почему-то не было, а это уже была середина семидесятых; возможно, из-за того, что, во-первых, все было сделано внезапно и быстро, а ситуация поддавалась переменам на «ура». Во-вторых, как мне кажется, самим надзирающим службам такое «эльдorado» нравилось. Комитетчики, кто помоложе, и раньше с пониманием ко всем процессам относились. Я потом познакомился с некоторыми (у них самих были немереные коллекции пластинок), и они мне их по-тихому писали. Возможно, благодаря их влиянию скорость передачи информации в Москву несколько затянулась. А без указания из центра ничего серьезного предпринять местные бюрократы не могли – разве что забить до смерти, и то на это разрешение нужно было. Все уже было на виду. Ну, и конечно же, концерты прикрыли.

Потом где-то на улице было организовано нападение на нашу группу. Напало человек двадцать переодетых милиционеров. Но, поскольку за нами все время ходили поклонники, все оперативники были забиты и нам назначали встречу для разборов. При этом открыто, среди бела дня, на автобусах, подкатила вся школа милиции, одетая в трико: думали, наверное, что осознание того, что они имеют отношение к надзирающим органам – это почти что пропуск в рай... Они просто не знали, что в спортинституте нормальные здоровые парни не знают, на ком бы разрядиться. А город тихий, никто никого не обижает. Выхода адреналину нет. Вот менты подъехали и не вдумались, что все, кто перед ними стоит, нормальные мастера какого-либо из видов спорта. А что, не при исполнении, без документов, в трико. Так их и втыкнули. Были еще подобные прецеденты, но власть в городе уже принадлежала народу, а мы были их любимцами. После этого милиционеры ходили по городу с опаской.

Меня звали тогда «Гарри Иваныч». Хотя чаще – «Иваныч» или «Горыныч». Однажды вышли на меня мои знакомые из ГБ, которые мне по-тихому написали: мол, Иваныч, пришло указание все убирать. Ну, сам понимаешь, никто тебя «сажать» или «ложить» не будет. Поэтому собирай вещи и езжай-ка ты куда-нибудь, хоть в Москву. Нормальными людьми, кстати, оказались будущие супер агенты...

И поехал я в Москву. Со своими хабаровскими привычками и задором я сразу стал искать себе подобных. Кроме утюгов, в Москве более раскрепощенных и независимых людей я не встретил. И стал набирать компанию из этого круга. Не скажу, что был во всем понят, поскольку уже переболел барыжкой, но по крайней мере это была передовая среда, в которой была своя информация и своя сложившаяся система. Не очень то они боевыми были или просто не хотели воевать, а предпочитали откупаться. Москва...

Утюги собирались на Беговой. Была еще такая банда Васьки Туманова, которая их постоянно обирала, так что и им веселья хватало.

М.Б. Еще там рядом был ипподром, который всегда был местом неформального общения кому за тридцать...

Г.А. Был это 77–78-й год. Приехал я, а утюгов уже гоняли вовсю. Но мне в Москве понравилось именно то, что город большой. Людей, вроде, каких-то модных не видно – а выходишь на платформе Беговая – и каких там только нет! В красных, желтых, зеленых штанах... Вот тогда я решил, что именно этот контингент мне нужен. Но мы хотели уехать за границу, через Таллин. В Таллине Валерка жил в отдельном доме, он выступал в местной сборной по боксу. Каким-то чудом мы этот дом нашли. Там жила бабушка. Жена полковника СМЕРША, и там она жила одна и ей было очень грустно. А мы с деньгами, не пьем, курим только сигары. Мы ей предлагали деньги, но она отказалась и пустила нас в дом, где мы пожили около месяца. Не больше, потому что нас Таллин приплющил. Все облазили, вся эта злая среда мешанская... Вроде бы барчики есть везде. А делать там нечего. Но единственное, что я для себя вынес: если Таллин такой же, как за граница (а в простонародье такой слух распространялся местными жителями), то делать там абсолютно нечего.

М.Б. Теперь Прибалтика – полноценная за граница, а ущербности не поубавилось.

Г.А. Вот и я про то же! Какая разница, где эта та самая граница, за которой так же скучно? Даже панки там потом были скучные. А те, кто из смешанных семей, они все нормальные, не перемкнутые. Бизнесом мы там не захотели заниматься. И поехали обратно на Дальний Восток. Перед отъездом я порвал все связи в Хабаровске, чтобы не тянулось ничего вдогонку. А в Москве я чуть не женился, но уже тогда понял, что бытовуха мешанская для меня смертельна. На самом деле все эти поездки (Таллин, Дальний Восток) были ни к чему – всю ситуацию очень сильно прижали и от проекта остались только легенды.

К тому времени я уже знал, что в Европе и Америке случился панковский бунт, и отметил для себя этот процесс как самый передовой для расшевеливания жлобов. Собирался материал и появились первые пластинки «Секс Пистолз». Я ничего про идеологию этого движения не знал, но драйв от музыки и подход к решению вопросов мне импонировал. Было непросто въехать в эту тему после «Ти Рекса» и «Мс 5». Не знал я также, что Игги Поп и «Сидз» тоже были причастные к этим волнениям, но то, что это обалденная сила и что с этим оружием действительно всем жлобам кранты, я понял сразу. А на Дальнем Востоке уже к тому времени закрутили гайки так, что тех, кто вякал, начали откровенно валить. Меня тут же вызвали; я сказал, что у меня «проездной» и мутить мне здесь воду не интересно. Что у меня семья в Москве, а сам живу в Таллине. Ну и как-то все успокоились. На местности уже понеслась коммерция полуспортивная и полубандитская. Все эти люди были похожи на анархистов, но идеологию на иную, чем полукриминальную, менять не способные. Когда был процесс с группой – они подтянулись к нему автоматически. Потому как решили, «а что, этим можно, а нам нельзя?» и поддерживали нас из дружеских побуждений. Хиппи стухли, а рабочие хотя и были настоящими панками по быту, но бунтовать не могли. Не знал я тогда никаких ни художников, ни авангардных музыкантов. Местные художники знали, что такое дизайн, слушали «Лед Зеппелин», но увы...

К тому времени я уже так устал от совка, тем более что различные проявления его я наблюдал по всей стране, даже в Таллине. А молодое поколение бунтарей еще не подросло. Были отдельные идиоты, настоящие психопаты. Но их было мало, они были одиночками, и их тут же винтили и закалывали в дурдомах. Поэтому я решил еще поездить. В Питере я никого не нашел. И вернулся в Москву, в уютную тусовку. Это были люди и с образованием, и полууголовные, и полуспортивные. Но в массе своей продвинутые. Собралась неплохая компания, которая ходила, всех эпатировала, а при случае могла дать в грызло. Наряжались по всякому, устраивали шоу на Красной площади, но как-то элементов иных не подтянулось. В 79-м году я побывал в Казани, но повыпендриваться там не получилось. Тогда же в Москве я познакомился с «Джонником», который тоже уютжил, был наглым и веселым. А 80-й год был для меня провальным.

М.Б. В период подготовки к Олимпиаде власти погасили всю неформальную жизнь в крупных городах, все сомнительные элементы были высланы за черту города, – по крайней мере, в Москве. Всех детей услали в лагеря, осталась только массовка для приема иностранцев... У СССР должно было быть человеческое лицо. Тогда же были ускоренным темпом построены улицы в Москве и Питере. В Москве уже Калининский отстроили (разрушив центральный массив старинного архитектурного проекта), а в Питере проложили улицу на Васье. Она там до сих пор полудостроенная, неуютная какая-то, прямо возле метро «Приморская». Спешили, как обычно...

Г.А. Я пытался сделать тусовку, поскольку бизнес уже накрывался из-за того, что разные люди в разное время сели на наркотики. А кадры решали все. И этих кадров не было, или я их встретить никак не мог. Утюговская среда подтянула к своей среде, помимо конторы, какой-то криминал. Да и все-таки не те это люди были. Потому как стиль этот итальянский, он, конечно, смешной, но утюги, которых я знал, постоянно думали только о работе своей или о том, как накопить денег и свалить из Союза. А «алеровская» мода была как рабочая одежда, для того, чтобы оперативно смешаться с толпой туристов. Которые на советском фоне смотрелась очень ярко; ну и там «парла, парла»... решить все свои вопросы про сольдо. Единственно, что веселило, – были отдельные персонажи, которые по-настоящему умели оттягиваться и ежедневно спускали все, что было до этого нажито. Это, видимо, такая местная традиция, которую можно наблюдать и сегодня.

Так или иначе, это была уличная субкультура. Я тогда все-таки иной культурой интересовался. И над моими гонками про панк посмеивались. Это дано не всем, вовремя тумблер в голове переключить. Была еще одна понтырская московская тусовка, где был Бенья Кирсанов – сын поэта из интеллигентской семьи с очень прикольными аристократическими замашками (он потом в Бельгию уехал). Но они, как и многие другие, хотели просто уехать из страны, представляя себе за границу как место, где нет уродов... Меня уже тогда этот глюк отпустил, после Таллина; к тому же немного побешивало, что здесь сделать ничего не удастся. Потом исчез и Джонник... но где-то года через два я познакомился с французами (Паскаль, Жоель, Пакита), которые отвечали моим эстетическим запросам. Они, так же как и я, питали отвращение к мещанской культуре. Первый секретарь был настоящим аристократом, и панком в душе. Собственно, как и советские панки, появившиеся попозже. А я в то время уже освоился в центре Москвы, обнаружил Тишинку, где в то время продавались чекистские формы, жирнейшие пальто и всяческие кителя. Вместе с Эриком, Тюша и я мы покупали костюмы разведчиков. Которые были никому не нужны и они там провисали. А качество этих вещей и сейчас считается за пределами. Мы их покупали, наряжались и ходили по улицам, устраивая глумливые акции. А все тогда сидели на «Ферруччи» и «Карерра», «Ла Коста», английская мода здесь не катила. Американисты, ходящие в «даунах» и кроссовках уже были. Еще кеды были проблемой всегда, за ними охотились.

М.Б. Кстати, в конце восьмидесятых хорошие кеды («Конверс», «Наф-Наф»), стали отличительным атрибутом утюга. В принципе, даже появившиеся в то время кеды «два мяча», подходили. Правда, взрослых размеров почти не было. Потом уже где-то в 89-ом, эта марка пошла на встречу советским потребителям и выпустила серию цветных кедов, уже без отличительных кругов сбоку и подписью на подошве. Я тогда был обладателем белой пары, на которой подправил лезвием и маркером название, и получилось «два мента». Это всех дико веселило.

Г.А. Кеды были самой удобной обувью для города. А обувь главный атрибут костюма... Как говорили англичане: «Обувь – лицо джентльмена».

Мы уже тогда переключились на костюмы. Промежуток между 80-м и 84-м годом можно обозначить как беспросветный. Кроме ежедневных кутежей и бесцельных брожений ничего не происходило, тогда уже началась истерика, все начали уезжать за границу, пропадать. У меня родился ребенок и я подумывал, что пора со своей революционной деятельностью подвязывать.

Просто неслась пьянка и барыжка; денег много а тратить некуда. Я тогда в образе псевдоангличанина тусовался с псевдофранцузом Аликом Аленом и псевдоюгославом Максом; по аналогии с анекдотом про русского-немца-поляка мы устраивали порно-шоу. Шли в «Интурист», где корчили из себя супер иностранцев-дизайнеров. Макс знал одно югославское выражение «айда да горы». И нас несло... Выходили как на сцену, уходили под звук фанфар. Юрис Боротынский просто двухметрового роста, человек-член, гипнотизировал «путан» пачками. Он и сейчас такой же. Приезжал недавно от «Ташена», с мифической темой построить в Москве «Будда-ленд»...

А я всю компанию стал подсаживать на панковскую тему. Ну, как сам это тогда ощущал. Гремучая смесь, в которой присутствовало раздолбайство, благородство, похабные анекдоты, офигительная одежда и запредельные аристократические понты. Был это 84-й год и все кончалось порно...

М.Б. Упорно...

Г.А. Ну да. Хотя акцент делался не на порно, а на раскрепощении и оттяжке. И вот таким шаром мы прокатились по всему центру Москвы; знали нас все и при виде нас, идиотов, губы сами разъезжались до ушей. Клоуны... К нашей оттяжке подтягивались иностранцы, которые хитрым образом делали свой бизнес в Советском Союзе, для чего толпами вступали в коммунистическую партию. Один англичанин просто снимал целый этаж под подобные оргии. В Москве было ужасно скучно, и я их прекрасно понимал.

М.Б. Что тогда было? Парки с дискотеками на верандах летом. Кинотеатры с остросоциальными фильмами про производственные проблемы. Выставочные залы с гиперреализмом, от которого уже выворачивало. И театры с представлениями про тяжелую жизнь комсомольцев-строителей – и все это под левитановские речи из каждого радио на кухне...

Г.А. Так и было. Поэтому многие люди были готовы идти куда угодно и на что угодно, чтобы выйти из этого сомнамбулического состояния.

М.Б. А откуда взялось само название «Асса»?

Г.А. Откуда взялось само название «Асса», сейчас сложно выяснить, но большинство очевидцев склонно признать авторство Олега Григорьева. На революционный флаг «Ассу» поднял Тимур Новиков, а я своими действиями раздул еще больше. В Питере, в маргинальной среде, даже появилась дешифровка: Ассоциация Советских Свободных Анархистов. Никто толком ничего не знал. Но все ходили и бубнили «асса, асса... асса, асса...» И мы решили, раз все так говорят, то пусть движение так и будет называться.

А с «Поп-Механикой» была такая история. Я приехал с иностранцами своими в Питер для исследования маргинальной культуры этого города в 84-м году. Тогда там был Юфа со своими фильмами, Котельников рисовал свои рисунки хипповские, Андрей Мертвый тоже рисовал, а Леня Череп к ним всем захаживал. В этой же тусовке оказался Малин Миша. Они тогда уже делали «ассочки», которые выражались в некоем абсурдистском тупом и одновременно смешном действии, желательном при скоплении публики. Была уже тусовка, приехала уже Джоан и стала бегать всех расшевеливать. И Тимур взял на себя инициативу по собиранию творческих элементов под брендом «Ассы». Сначала «Поп-Механика», которую делал Курехин, представляла из себя музыкальный, авангардный проект – и из всего действия был разве что выход на сцену бедного несчастного Сережи Африки с желтым шариком в руке. Тимур, с нашим приездом, стал все менять, приглашая новых участников. И они подтянулись под новый проект.

Котельников с Юфой были сами по себе. Группа «Кино», из которой везде лез Густав. От него все убегали, но он все равно везде лез. Но в процессе участвовало много людей. Юфа сделал постановку «Анна-Асса», где Каренина с криком «Асса!» бросалась под паровоз. Была там и такая игра-действие, где человека сажали на такое большое блюдо, таскали его за ноги, и он на этом блюде носился и орал. Стало веселее. А Тимур уже решил все ставить по-серьезному,

по-достоевски. Тут же полез Сережа Бугаев, начал нашептывать, что Гарика не надо звать. Его потом за эту особенность характера Петя Прокапан повесил как Буратино...

М.Б.?!

Г.А. Он жил у нас, хотя рядом жила Лена «Щека», на тот момент фиктивная жена Новикова. Но останавливался Тимур с Африкой всегда почему-то у нас. Они хитрые такие оказались в итоге, как будто действительно было что скрывать. Наивная хитрость такая... На какой-то тусовке Пакида прижала где-то в углу Африку и ему после этого замнилось, он начал от оказанного внимания откровенно борзеть. И сдуру навис на Петю Прокапана: мол, знаешь, Петя, ты тут не думай, что ты тут, а на самом деле... Петр уже тогда был матерейшим человечисом, и со словами «таких мальчишек в ставропольском крае» просто взял его за шкибот и повесил на крючке, торчащем из стенки. И ушел. Ходил, ходил. Потом пришел со старинным утюгом. Сережа бедный решил, что вот он час расплаты, но это все оказалось типичным Петиним юмором, который заявил, что раз Африка такой утюг, то его следует как надо отутюжить...

После этого, конечно же, Африка Петю признал и они подружились. Дурацкая у него всегда черта была пофамильярничать с людьми на голову его выше, типа – он наглый такой. Хотя именно эта наглость всегда в нем и подкупала и радовала. Такой безбашенный мальчишка и балагур, одновременно способный и прогрузить по-умному и картинок веселых нарисовать; хотя тогда он больше увлекался музыкой и даже какое-то время играл в «Звуках Му». Такой мальчик-колокольчик, представлявший собой сгусток юношеской энергии на фоне уставшего системного пипла...

М.Б. Мы отвлеклись от хронологии...

Г.А. Да. Отвлеклись слегка. Тимур сделал постановку «Идиота», где главную роль, конечно же, играл Густав. Князь «Мыш Кино»... Я тогда активно участвовал в подготовке спектакля, а когда дошло до ролей, выяснилось, что все роли уже разобраны. Тимур настоял, чтобы я участвовал и сам себе придумал какую-нибудь роль. Ну, я и придумал... Принц Кошкин. Африка нарисовал картины моднейшие на оргалите и пленке. Какие-то роботы сосали друг у друга. Антиспид в общем. А я показывал, откуда СПИД берется. Поскольку Африка выбрал себе главную женскую роль, я (театрально, конечно) драл Аглаю какими-то напильниками, еще чем-то на железной раскладушке, поставленной на сцене. Костюм был, конечно же, восточным, как и образ. А-а-а, была еще селедка, которую Аглая прятала под бюстгальтер; в определенный период спектакля все драли и эту селедку. Кишки во все стороны... Настоящая «Асса» получилась: жесткая, веселая и вводившая зрителя в гудящее просветленное состояние. Такой живородящий абсурд.

Курехин, который в этом спектакле не принимал участия, поскольку был человек действительно умный и талантливый, на тот момент несколько стеснительный, сразу въехал в перспективы и концепцию своего проекта «Поп-Механики». До этого ему как-то не хватало постановочной фантазии, а здесь мы «дали копоты» и он сразу стал делать свои спектакли в том самом объеме, которые известны по прессе. Постановки происходили на том же чердаке, где и раньше: при стечении иностранной прессы, приезжало даже «би-би-си».

Я стал часто ездить в Питер, покупать костюмы, одевать участников, «Новых композиторов». Это гораздо позже стал приезжать Шутов, друг Тимура; он и привез «Поп-Механику» в Москву. А на тот период из Москвы ездил я один, поэтому все эти истории должным образом в столице не освещались. На этой тусовке собиралось множество известных людей и музыкантов: Гребенщиков, Гаккель, «Композиторы». С того момента «Поп-Механике» предоставляли площадки; проект набирал силу за счет смешения жанров и привлечения новых участников. В Москве такого действия не было, а в Питере, кроме «Юфы», который устраивал загородные сессии, нечего не наблюдалось. Рок-клуб был тухлым. У Тимура тоже практически ничего не было: «Утюгон» был и Африка с шариком...

А с нашим приездом начался яркий период. Сначала все только смотрели, торчали от происходящего «запредела», но боялись. Цой приезжал, но неохотно участвовал. Хиппи, что возьмешь... Тимур с Котельниковым тоже хиппанами были, а с «новой струей» понеслась «новая волна». Модником «волновиком» был Миха «Длинный», потом Гребенщиков тоже свой имидж на «волновой» сменил. Густав стал броши всякие покупать; музыканты стали наряжаться в «ньюейверском» стиле. Позже Курехин устроил уже большой концерт с жесткой индустриальной секцией, где в очередной раз был поставлен наш идиотский «Идиот». Который правильнее называть «Идиотизм». Причем полный. Там уже участвовала «Уличная» из «Колибри». На сцене была просто забивка и катание трупов. На самом деле масса прекрасных моментов; это все сохранилось на видео и пересказывать все это сложно и без надобности, когда есть возможность посмотреть.

Я не возьмусь формулировать, что из себя представляла «Поп-Механика», это все-таки проект Курехина, но как я это понимал... Действие, в котором органично смешивались все музыкальные и артистические жанры, и одновременно все формы идиотизма. Такой авангардный балаган с упором на джазовую музыку.

М.Б. Да, пересказ такого комплексного абсурдного действия, практически невозможен.

Г.А. Просто тогда нужен был передовой продукт, а концепция пришла потом. Мы с Тимуром понимали, что делаем вполне зарубежный продукт, без помощи иностранцев здесь ничего не произошло бы. Была такая система бумеранга. Здесь что-либо делалось, потом отправлялось на Запад, и через некоторое время этот процесс, обросший легендами, возвращался в родные пенаты. Так все до сих пор и поступают, потому как преклонение перед иностранщиной лежит в постсоветском сознании на каком-то животном уровне и еще долго не вылезет. В начале 86-го года приезжает уже «эн-би-си». Такой персонаж Девяткин, который снимал Горбачева, приехал. И вот специально для него делается повтор на том же самом чердаке (клуб «Маяк»), но уже, помимо французского посольства, приехало американское и какие-то люди специальные, жирные, с не менее жирными женами. Джоанн Стингрей со знакомыми была. Опять был поставлен «Идиот», но к тому времени спектакль был уже смешан со всем, что впиталось за предыдущие шоковые выступления. Африка напихал яиц вместе с селедкой в бюстгальтер. Селедка уже была специально тухлая, почти ржавая. Когда все стали эту селедку забивать, а Густав стал эту селедку рвать зубами, Стингрей просто проблевалась... Все ошметки вместе с опарышами летели на всех этих жиртресов. Был устроен полный разнос. Бились бутылки. Летели стекла. Люди, которые рассчитывали на какой-то спектакль в ортодоксальном виде, столкнулись с имитацией экстремальных половых актов. Настоящая шокотерапия. И в самый разгар, как обычно, врываются... представители КГБ. Есть такая легенда, что когда представители надзирающих органов приходили, то все ложились на спину и поднимали лапки. Может быть, так оно и было, но не в этом случае. А в этом случае, открытым текстом, они (органы) были посланы пешеходно-половым путем, и они... пошли. Кто им потом открыл дверь, сейчас трудно выяснить, но это точно были местные музыканты, то ли Гаккель, то ли Гребенщиков, то ли еще кто-то из их компании. Еще вспомнил, как Гаккель, еще не вышедший из шокового состояния, со слезами на глазах подошел после спектакля к Тимуру (я рядом стоял), и тонким тихим голосом сказал: «Ну это же не добрая музыка...». А я из-за спины Тимуровской, загробным голосом ответил: «Будь добрей – попу побрей»...

М.Б. Еще проще. Подо-брей...

Г.А. И тут же его как ветром сдуло. Вот, а оказывается, комитетчики уже окружили дом. И как только вошли, стали проверять документы: первый секретарь того-то. Атташе по культуре такой-то. Ничего не понимают. Начинают извиняться, спрашивать, что вы здесь делаете? А им отвечают: сидим, репетируем спектакль, а это почитатели искусства, в основном иностранцы. Была еще какая-то возня, но власти не рискнули пойти на обострение. Но они очень напряглись на Африку, пославшего их по адресу. Он уже тогда лез за известностью и часто

оказывался крайним. Но его выручали мои же товарищи неформалы, которым особое удовольствие доставляло артистическое унижение представителей власти.

Помню, однажды я привез московских неформалов для участия в «Поп-Механике». Гнус был, Кот, Герман «Челюсти». Тогда комсомольцы пытались Африку со сцены сдернуть за ногу. Подкрались. Цап его... и давай тащить. Но не учли, что публика в первых рядах была вся радикально неформальная, и были забиты. Их зашугали так, что больше они на спектаклях не появлялись. Но это было уже позже, в 88-м году...

А тогда «Поп-Механика» только шла по нарастающей, но все ее действия не шли в массу; молодежь на улицах была не задействована, кроме иностранцев и посольств об этом процессе практически никто не знал. Мы с Тимуром долго думали, как это все двинуть дальше, и он подтянул бабушек, чудом сохранивших традиции художников начала XX века. Всех Кандинских, Хлебниковых, Филоновых и все истории, связанные с этими процессами. Это был очень важный момент. Тимур была выделена рампора, и стало создаваться «новое правительство». Была такая история, что если в России когда-либо появится авангардное искусство, то эта рампора должна была быть передана для создания авангардного правительства. Тимур решал ее отдать Африке, и, в принципе, правильно сделал. Потому как некому больше было. Он классный, конечно, персонаж, но не Котельников... Сережа давай с ней везде скакать, хотя Тимур мог и сам возглавить движуху. Поскольку сам все и сделал. Все коннекты с Западом, все организационные вопросы, выставки, но отдал «фасад» – видимо, чтобы Африку поддержать. Юфа с Котельниковым всегда были, но хотели быть в тени, хотя Олег Евгеньевич любил погромить по молодости посольства иностранные в обеих столицах и от акций художественных не сквозил, а потом скромно рядом сидел и улыбался...

Ладно, собралось первое собрание Нового правительства, начался дележ мифических портфелей. Правительство Новой Культуры. Тимур за собой оставил министерство Живописи, Курехин – министр Музыки, а я стал министром Моды. Расписали журнал. И-ди-о-ты... Собрание какие-то начались, и тут же появились какие-то комсомольцы. Стали под эту мазу пробивать помещения. И, как обычно, всех кинули, в итоге...

М.Б. Ну что поделаться. Это нормальный, точнее, закономерный результат общения формальных и неформальных структур в СССР. А ныне в России, когда кто-то приходит с улицы, с ними возятся для вида, заимствуют концепт – и посылают. Причем, сейчас это стало нормой на всех уровнях предпринимательства. А тогда без участия комсомола никаких официальных движений никогда не происходило.

Г.А. А еще не менее мощная сессия была, когда я привез из Москвы утюгов, путан и торговых из туалетов. То, что было под рукой, из знакомых. Наглые, веселые, песни русские орут. Адреналин. Всех поселил у Густава. А еще нас винтили прямо на вокзале. Тогда Африка зачем-то украл в вагоне-ресторане хлебозрезку, а какой-то дядечка проявил сознательность и стукнул куда следует. Человек пятнадцать нас было, мы спешили, опаздывали на выступление. Приняли нас в отделении, где, конечно же, мы за Сережу вступились, обещали перевоспитать. Я подошел к главному менту и откровенно сказал, что, мол, мы вообще-то артисты и опаздываем. Не подскажет ли он как нам от этой напасти спастись? А он мне, улыбаясь, отвечает: «А ты угадай мое имя, тогда я тебя отпущу» – «Почему только меня – давай всех». – «Угадай имя...» – «Коля?». – «Точно, иди!»... Мини-чудо такое произошло... Говорю: «Всех отпусти» – «Угадай фамилию!». – «Ты что, дорогой, офигел? Может и имя мамы твоей тоже?» – «Нет, всех не отпущу...».

Подождал я всех, поехали мы на концерт. А я тогда Тимура долбил на тему про привлечение московских персонажей. После концерта ко мне подошел Тимур и на полном серьезе сказал, что все люди, которых я привожу, очень замечательные люди, но они не художники и не музыканты, продукта они дать не могут. Я тогда сказал, что я с московскими художниками не очень знаком, но если он мне подскажет, то я с ними поработаю. А как потом выяснилось,

они вообще с Москвой не хотели ничего делать и привлекать местные артистические круги – тем более. Сказывалось влияние местной комсомольско-музыкальной ячейки в виде рок-клуба или традиционные для Питера комплексы.

Параллельно, в этот же момент, Джоанн Стингрей привезла фотки из Америки. Была такая история, что в один из приездов Стингрей передала своему соседу по Беверли Хиллз, Энди Уорхоллу картины питерских художников. Он как человек вежливый, сфотографировался с ними (мол, получил), и прислал в ответ свои любимые работы в виде банок. А Тимур понимал, что без козырей в Москве делать нечего, просто пошлют и все. Мы тогда собрались, поехали сначала ко мне, переоделись. И прямо с утра поехали к Наумцу. Замечательный художник, сейчас живет в Германии. Он классный, но я до этого его нигде не видел. Хотя мастерская была в самом центре Москвы. Наумцу, конечно же, было плевать на наши рассказы про «Ассу», он, знай, показывает свои работы. Говорю Тимуру: «Козырь, наш мандат...» И Тимур показывает раскладушку с фотками, где Уорхолл с работами Котельникова, «Африки», Тимура. Сразу интерес проявился: «Ага, это Энди, что-ли? А работы чьи?» – «Такие-то такие...» – «Не верю, фотомонтаж!» – «Какой фотомонтаж? Полароид». – «Точно, Полароид... Ни фига себе!...». Наумец тут же все понял. Понеслись межпланетные разговоры про мировой авангард и то, что все уже понеслось. На самом деле, можно понять его недоверчивость. После стольких лет в «подпольной жопе» – и тут на тебе, авангард. Свет в конце туннеля. Мы объясняем, что нам нужны новые, молодые боевые люди от искусства. Ответ – знаю, одеваемся и идем. И привел он нас в детский сад, где спектакль с фотографиями повторяется, и Наумец нам подыгрывает.

А помещение огромное. Пустое. Места до фига, а Герман сидит в маленькой комнатке на скамейке из унитазов и брэнчит на гитаре. И Коля Филатов со своим гиперреализмом, который всем уже надоел за пятнадцать лет полу подполья. Рассказываем про «Поп-Механику», новый русский авангард. Энди Уорхолл всех поддерживает, показываем фотографии. И с этого момента все забегали и начали рисовать новые картины. После этого едем к Никите Алексею, Овчинникову, которые немного загрузили, когда их власти за проект «Мухоморы» пресанули, а Костю Звездочетова и Свена Гундлаха вовсе сослали в армию. Там тоже всех заряжаем. Едем по моим посольским, утюговским тусовкам – всех везем в «Детский сад».

А многие художники до сих пор пребывают в иллюзии, что они сами чего-то где-то пробили, ну и пусть так считают. Меня единственное, что тогда радовало, что я наконец-то обнаружил соратников в лице Курехина и Новикова, которые с пониманием относились к поставленным идеям и задачам. Хотя бы на некоторое время. У меня тогда (да и сейчас) сложилось впечатление, что живопись, как самостоятельное явление, нахрен никому не нужна. Музыка нужна. Совокупность кино-музыка-живопись нужна. Все эти мелкие выставки, которые проходили и проходят, нужны очень узкой прослойке и широкие массы не охватывает. А в «Детском саду», как раз был достигнут тот самый «синтез веселья», когда все участвовали во всем и две столицы объединили свои усилия в авангардном направлении. Но в «Детском саду» не было современного продукта, адекватного мировым, на тот момент, стандартам. Художники как-то «подвисли» в своих семидесятых. Гиперреализм – бредятина. Поэтому я взял ситуацию в свои руки и начал всех гундосых художников долбить ежедневно. Артистический элемент уже был, но нужны были еще люди.

Герман приволок меня к Леше Тегину. Тогда он выглядел неважно, забросил живопись и играл на гитаре какую-то испанскую музыку. А выглядел он уже тогда как марсианин. Просто из другого мира и квартира у него была как летающая тарелка. Был у него тогда черный пластиковый наимоднейший диван и цвет у комнат был настолько ровным серым, что глазу не за что было зацепиться. Меня поразила Лешина способность доводить все до абсолюта, такая китайская точность. При этом у него постоянно горели неоновые лампы, под звук которых я постоянно засыпал. И все было ровненько, чистенько и спокойненько.

И начал я похаживать к Алексею в гости, подгоняя при этом ему «Секс Пистолз», Ника Кейва, «Сьюкси энд зе Беншенз». А он тогда «сидел» на модном в Москве Клаусе Шульце и дружил с тусовкой другого порядка: Васильевым, Липницким... Нужный, конечно, элемент, но по улице он не ходил, света белого не видел. Поскольку я сам не композитор, а музыка незаменимый элемент перформанса, стал постепенно подсаживать его на более жесткую музыку, и к концу восьмидесятых Алексей стал производить жесткую музыку индустриального звучания, аналогичную раннему «Свонсу». Была заимствована мощь звучания, на базе которого делался русско-тибетский микс, с использованием различных природных звуков. Таких, как извержение вулканов, например. Техническо-духовная линия была отработана за год записей. Когда Тегин стал участвовать в «Поп-Механиках», питерский люд был в отпаде. Такой музыки в Советском Союзе не было.

С музыкантами того периода было вообще сложно. Не все выдерживали такую жизнеутверждающую музыку. Подробное звукоизвлечение вообще пугало, смерть пела свои песни про жизнь. Возможно, поэтому особенное понимание эта музыка нашла в кругах некрореалистов и почему-то у Цоя. Женя Дебил радовался очень. Правда, Юфа сказал, что с такой музыкой его фильмы точно не выпустили бы на советский экран. Алексей тогда был красавцем, с мощным торсом, лысый. Среди грохочущих барабанов. Это был прорыв. Была здесь еще группа «Ночной проспект», они тоже в «Детсад» заходили, но Леша был круче. Было изобретено много новых инструментов. К нему потом приехали люди из Сан-Франциско, «Альтернатив Тентаклз», которые писались на одном лейбле со «Свонс». Привез их Артемий Троицкий.

Вот и получилась такая смывка: иностранцы, художники и музыканты, московские и питерские. Начались эксперименты и понеслась централизация через «Детский сад». Появилась нормальная еда, «Чинзано»; появились костюмы с Тишинского рынка, «чуханизм» пресекался. Африка притащил Жанну Агузарову. Звали ее тогда Ива Андерс, такой вот творческий псевдоним. Молоденькая, красивая и смешная, с небесным голосом. Она тоже стала приходить, и на нее, несмотря на природный дар, тоже оказывалось влияние, потому как прессовали ее власти нешуточно, а наша компания ей нравилась. Я до сих пор не понимаю, почему на нее так кидались менты и спецы, возможно, это все на каком-то ментальном уровне конфликт. Как-то мы гуляли с журналистом из «Актюэля», который потом, офигев от питерских и московских событий, дал обширную статью в журнале. Он сам говорил, что такого быть не может, и даже когда статья вышла, ему не поверил даже главный редактор. При этом собрался в Россию, чтобы убедиться лично. Он приехал и снял фильм, в который попала в том числе и Жанна. Редактор этот был смешной, одевался в стиле «Индиана Джонс» и как-то его приезд совпал с днем рождением Африки. Был тогда Джонник, Коля Филатов, Ирка Лысая, Жанна, и, конечно же, сам именинник. Пошли мы тогда сначала в Пекин, но там был банкет и нас не пустили. Потоптавшись, мы пошли в «Центральный», который на тот момент был местом сборищ всех мастей, ментов и комитетчиков. При этом тогда купеческий ампирский стиль заведения еще не был испоганен уродами из «Патио Пиццы».

М.Б. Ну да, я делал даже какие-то фотографии. Поверх лепнины и бронзы псевдоампира навешаны пластиковые панели с фотками дешевой жратвы. Это ж надо так поглумиться...

Г.А. Я, когда увидел твои фото, даже опешил. Это даже не лоховство, это нечто большее, чем ущербность. Я потом тоже водил знакомых показать, до каких клинических случаев доводит жажда выставить напоказ свою некомпетентность, в нынешнее время. А тогда у входа стояли статуи с факелами и русско-купеческий стиль. Пошли мы туда – и с икрой, водкой, блинами и дикими танцами засели на весь вечер. А в углу сидели четыре дяденьки с одинаковыми лицами и костюмами, один из которых подошел к нашему столику. Причем не обращающая внимания на нас, как будто нас не было, напрямую с натянутой улыбкой обращается к нашему редактору. Мол, можно вас за наш столик. А редактор смотрит на меня, и я ему говорю, конечно же, нет – мол, контора... Причем всегда раздражала эта дурацкая контрразведческая

наигранная мина, когда лицо недвижимо и улыбаются одни глаза и уголки губ. Это, видимо, чтобы морщин не было...

И вот с таким лицом, видимо, выражающим власть над всей ойкуменой, товарищ из-за соседнего столика был услан по адресу. Веселье продолжается. Потом опять проходит час, опять делегат: мол, давайте нам вашего иностранца, типа выпить. Им не менее вежливо предлагается сесть за наш столик, причем всем сразу, нас игнорируют. Отказы продолжаются, вплоть до закрытия ресторана, когда уже остались только мы и спецы. Причем все были на кураже, что вот теперь выходят музыкальные диски, о нас выходят статьи в иностранных журналах, снимают фильм для солидного журнала, поэтому никто особого внимания на окружающих не обращал. И вот, когда я пошел в туалет, то увидел картину, которая возмутила меня до крайности души. Стоят наши «друзья» в ондатровых шапках, и один из них схватил Жанну за руку и, сжимая ее нешуточно, шепчет какие-то гадости на ухо. У Жанны на глазах слезы, а у меня кураж и я остановиться уже не могу, тем более уже отличал настоящих разведчиков от простых костоломов. Подхожу, говорю – что, мечта твоя сбылась, нашла ты себе наконец сильнейшего мужчину... Жанну, конечно же, отпустили и она с Африкой и всеми остальными выскочили на улицу. А я одетый в шикарное пальто «Макс Мара», в шляпе, неспешно натягивая лайковые перчатки спускаюсь по лестнице к выходу и вижу – стоят все наши знакомые. Ну что ж, думаю, сейчас вякнут что-нибудь. Так и есть. Проходя мимо, слышу: «Ну и что, эти чмори, типа, с тобой?». Я в ответ: «Слышь...». Кто-то из полутьмы: «Не слышь, а слы-ши-те...» – «Простите, пожалуйста, замечание уместно. Я тут просто в темноте, вас, интеллигентных мужчин, с какими-то лохами перепутал. Но – простите за дерзость – возможно когда-нибудь такой вот малыш (показываю на Африку) вам репочку-то и расшибет...».

Спецы с ревом срываются. Но, поправляя мнимый волосок на шарфике, угодливо замечаю, что, мол, если им что-нибудь не нравится, то здесь вообще-то общественное место, но есть и улица. Спецы ушам не верят, но выходят и строятся в ряд, в полной уверенности в собственной непобедимости. А я, будучи под шафе и уже на взводе, прямо с ходу зарядил ближайшему, и, как мне сейчас кажется, дело было не в каком-то богатырском ударе, а скорей всего в чувстве справедливости собственного поступка и закономерности происходящего. Короче, бдыц-брык. Только шапка ондатровая покатила. У меня спортивная бодрость какая-то образовалась, но тут Джонник меня хватает под мышку и с криками «Ты дурак!» меня оттуда уволакивает, пока опешившие спецы, задохнувшиеся враз от обиды и удивления, ухаживали за своим падшим соплеменником. На самом деле, эта история тогда получила широкую огласку по тусовке, а я статус какого-то немислимого волшебника и непререкаемого, на время, авторитета. И подобных походов было очень много, но без спецов и потасовок. Просто шумная московско-питерская компания, расфуфыренная в пух и прах, гуляла по Москве...

А потом я привез первый раз москвичей для участия в «Поп-Механике»... Там они глотнули иного воздуха, посмотрели на художественную общность... Жаба москвичей после этого наконец-то задавила, все начали шевелиться. Появились Толик Журавлев с Гошей Острцовым. Каждую ночь и день приходили новые люди. А продукта все не было и не было. И только когда появился Ваня Суриков с женой Мариной, пробившие площадку в кинотеатре «Ханой», начался реальный проект. На организованный фестиваль приехали питерские тусовщики, Тедди привез питерских рокабиллов Ореха с Комаром.

М.Б. Здесь надо пояснить, что один матерый тусовщик – это отдельный мир и отдельная история, которых не было даже на сотню советских граждан. А звезды тусовки и подавно. Поэтому сбор даже пяти подобных людей заводил толпу под сотню.

Г.А. Точно. И вот в «Ханое» состоялся московский аналог «Поп-Механики». Опять же при миксе из посольских представителей, неформалов и художников, но в более скромных масштабах. Тем более, что люди участвовали одни и те же, но действие было несколько иное. Упор ставился на работу с действием. Алексей Тегин записал первую индустриальную музыку,

похожую на «Свонс», но иную. Состоялась такая небывалая для Советского Союза вещь как фуршет, где все получили возможность перезнакомиться и поесть. Всем, конечно же, понравилось и действие, и размах. Единственный момент, который был не организован – это съемки, ведь пересказать словами все действия практически невозможно. Не было видеокамер. Они появились позже.

Затем понеслась серия перформансов в «Валдае», был спонтанно поставлен бредовый балет «Три неразлучника». Появился и участвовал во всех акциях Сергей Ануфриев, которого никто из культурологов почти не упоминает. Потом было выступление в Большом Манеже, хотя я был против – из-за того, что помещение просто огромное, а аппаратуры качественной под рукой не было. Это место требует особого отношения. А у нас было легкое короткое действие. Забились мы в угол, окруженные толпой, приехали ребята из группы «Серебряный Шар», пел Градский со Стасом Наминым, но сцену и пространство из-за спешки никто освоить не сумел. Отличился Гор, со всего размаху врезавшийся головой в пол. Просто так, без подготовки, со страшным треском. Кровь в стороны, вся публика просто обомлела. Потом Марина Сурикова организовала действие в концертном зале «Метелица» на Новом Арбате. Это было модное «фарцовое» место, и там уже была продумана сцена. Музыкальный фон озвучивала группа «Метро» и Герман Виноградов со своими «диньками». На пустой сцене стоял Гор Чахал, обмотанный бумагой, а этот непонятный памятник охраняла НКВДешница с собакой. Тогда уже подтянулась новая модная неформальная молодежь, которая со всех сторон выползала на сцену, они били бедную собаку и девушку. Валили статую «несвободы», которая начинала вращаться и извиваться; все заканчивалось танцем старого японца с Ломом (пришлось мне), разбивались германовские конструкции, начинался полный хаос. А знаменательно это событие тем, что подтянулось новое поколение неформалов в лице Хирурга, Хенка, Юли (жены Хирурга), Аварии, Тюши. Люди с мощным драйвом и ранее в подобных событиях не задействованные. Потом появились и участвовали в музыкальной программе Орлов, Шумов и Мамонов.

Процесс получил автономное название «Дом моделей Ай-да-люли». В основу названия легло смешение. «Люли» – это русские народные танцы, которые нередко заканчивались другими «люляями». Такой некий женский «инь» в названии, а «Ай-да»...

М.Б. Пацанское...

Г.А. Да. Некий «Янь». А по-татарски, вроде как «давай вместе», в совокупности с «Ассой». На таких кратких символических терминах объяснялось все происходящее. Так же, как и «Асса», которая часто фигурировала с приставкой «е-е», обозначающей идиотизм. К тому же последнее было кличем стилист шестидесятых. По сути – тот же микс горского боевого клича и городского идиотизма. Концептуализм. Типа понеслась «супер-янь»... Но, вообще-то, эти «ассочки» пошли от питерских некрореалистов и поэта Олега Григорьева, исполнявших безумные, труднообъяснимые действия с самими собой. Люди собирались, топтались, а потом, чтобы раскочегорить себя и окружающих, устраивали такие представления. Подобные действия были потом перенесены на сцену, для демонстрации человеческого идиотического веселья, которое неизменно заканчивалось забивкой друг друга и трупами. Арт-мотивом послужили драки на танцах, часто заканчивавшееся втягиванием масс в потасовку.

Я поэтому и переключился с художников-моделей на настоящих неформалов, потому как нужен был не театральный, а брутальный искренний эффект. Исключение составляли Гор Чахал и Сережа Ануфриев, делавшие все по-настоящему, от души. А я участвовал в виде «духа Азии», наводившим в этом хаосе порядок ломом. Часто разносил германовские конструкции из железа... При этом действие начиналось обычно со стихов Гора или Герман потихонечку звенел своими конструкциями. По-доброму, складненько. Гармония... И тут появлялись люди и устраивали хаос, а потом появлялись «духи» и наводили порядок. Котельников иногда выступал в роли «русского духа» – с балалайкой, а я «китайского», с ломом. На «Поп-Механиках»

представлялось тоже самое, но более глобально. Выступления происходили от индустриального блока. Потом это превратилось в настоящий перебор с этими гусями, коровами, но свой положительный эффект был. А в Москве все было более точно, быстро и локальнее. Буквально за пять-десять минут публика вводилась в ступор. И из него же выводилась. Никто не планировал делать из всего этого долгосрочную программу. Хотелось «Свонса».

Основным же лозунгом стал девиз питерских некрореалистов: «Безумный род людской – кривляйся и пляши». А Олег Евгеньевич Котельников подарил другой: «Одежда – мой комплекс земной»... Кстати, одежда была не хилой. Настоящие старинные вещи, настоящие японские кимоно. Разных стилей винтаж. Был уже сформирован стиль «мертвый разведчик», который был предназначен для прогулок. К тому же вещи с Тишинки были не просто качественные, но и настоящие. От жен бывших разведчиков и дипломатов. Центр города был заселен потомками героев военных лет, а Тишинский рынок был центром циркуляции их аксессуаров. Сначала я хотел собрать коллекцию, но поскольку часто переезжал, быстро понял, что сам не потяну. И уже тогда стал подыскивать человека, на которого можно было «Дом моделей» переложить. Это было уже в 86-м году.

М.Б. В этом году шло параллельное движение объединения радикальных неформалов. И так совпало, что будущие панки, металлисты и рокеры тоже искали любые формы самовыражения, которые шли в разрез с обывательскими.

Г.А. Может быть, поэтому за кратчайшее время была создана тусовка, объединившая в себе все передовые направления города. В двух городах происходили будоражившие сознание населения артистические клубки. А я двинул такую моду, которой здесь даже и не пахло, используя в качестве моделей продвинутых тусовщиков. Тогда уже появились статьи в иностранной прессе о «Детском саде» и московских концертах, а когда появился материал в «Актюэле», вся модная Европа сразу же захотела посмотреть, что же там в России происходит. А процесс уже кипел.

М.Б. Я вот о чем думаю: сейчас, наверное, трудно объяснить и тем более представить современному обывателю огромную плотность событий, происходивших в течении двух-трех лет. Но если представить то, что сейчас происходит в двух городах (я имею в виду все околокультурные еженедельные события в течении года) и как бы поделить на два центра событий Москвы и Питера восьмидесятых, то можно примерно представить скорость происходящего.

А по значимости этих событий мы можем судить и сейчас. Всплеск активности приходится как раз на период 85-88-го годов.

Г.А. Ну, приблизительно так. Если добавить ежедневные тусовки с огромным количеством фактурнейших людей, обладающих передовой и моднейшей культурной информацией, то ситуация станет еще более конкретной. В этих ежедневных совместных прогулках и ковался общий дух, пропадал снобизм и двуличность. Люди очищались. И все были на образах. Коля Филатов ходил как Байрон, Герман держался как Маяковский. В тот же период опять появился Джонник, который сразу же врубился в происходящее и собрал группу «Кепка». К «Поп-Механике» подтянулись Катя Филиппова и Катя Микульская и стали делать очень прикольные костюмы. А началось все с простого совместного костюмированного гуляния по улице. Стали подтягиваться бывшие утюги, свалившие за границу. Бывший утюг Бенья, уехавший в Бельгию, привез студентов из бельгийской академии дизайна. А у меня по большому счету тогда еще показывать некого было. Я кидаюсь к Джоннику, мол, Серега, горю! Нужны девки с головой, хоть проститутки, хоть дворники – нет никого.

И он мне привел Ирэн и Катю Рыжикову. А я, самое смешное, их уже знал – втюхивал им какие-то сапоги несколько лет назад... Умницы, красавицы. Владеющие языками иностранными. Девушки, они и в Африке девушки, сразу врубались, что можно замуж выгодно выйти за иностранцев – и решили терпеть мои издевательства... А я стебался по-черному. Ортопедические ботинки, фуражки и все такое.

Собирается огромная толпа иностранцев и московских неформалов прямо в «Детском саду». Модельеры, поначалу державшиеся на пафосе, как только увидели моих моделей, владеющих французским и итальянским, сразу же сдулись и показали свои нормальные человеческие лица. А в «Детском саду» уже висели картины Котельникова, Филатова, нового образца. Герман-Маяковский со своими железками. Иностранные модельеры, ехавшие в Советский Союз и думавшие, что мода – это они, быстро передумали и влились в шумное веселье. И вся эта толпа начала бродить по Москве. По всем культурным местам столицы. Девушки наши крепились из последних сил, чтоб не прижать кого-нибудь из иностранцев в уголке, но марку выдержали и позднее сами стали настоящими авангардными модельерами... Потом приезжал Миша Кучеренко с челябинской музыкальной тусовкой, который сделал для движения не меньше Тимура, выполняя коммуникативные функции. Миха потом привез в «Детский сад» целый автобус английских актеров. Появился в «Детском саду» Чичерюкин. Он потом был незаменимым элементом группы «Манго-Манго».

А апогеем внимания к «Детскому саду» я считаю приезд «Дойче Банка». После приезда Тома Джонса, после совместного с питерскими художниками рисования, наши концептуалисты вышли по продукции на достойный уровень; их картины стали продаваться. И тут мы узнаем, что респонденты и менеджеры «Дойче Банка», скупающие по миру все проявления авангардной культуры, собираются в «Детский сад». По большому счету, Энди Уорхоллу можно памятник на российской земле поставить, небольшой, за особый вклад и поддержку русского авангарда советского периода. Именно он в своем интервью упомянул всех наших людей и впервые показал их работы. До этого иностранцы могли судить об искусстве только по эмигрантам типа Шемякина или по тому, что им предлагали корыстные советские кураторы. То есть понятно что. А здесь случился информационный прорыв. После приезда мы узнали от менеджеров банка о том, как их прихватывали на корню новые кураторы, поили-кормили и возвращали обратно, приговаривая в дорогу: мол, приезжайте еще – может, к тому времени у нас что-нибудь появится...

А пока есть иконы, матрешки, бабы. То есть откровенно вредили. Когда в Советский Союз приехал умирающий от рака простаты, но отказавшийся оперироваться, Фрэнк Заппа, готовый помочь любым авангардным музыкантам и аппаратурой и деньгами, так как считал себя обязанным идеям именно русскому авангарду и России... то был перехвачен Стасом Наминым. И тот, как тут часто и бывало, втюхал Заппе все, что было под рукой, и отправил Фрэнка спокойно умирать на родину. Должны быть такие фотографии. Но хорошо, что подписались помогать Дэвид Боуи и Брайн Ино – хотя бы питерским музыкантам они успели помочь.

М.Б. А сейчас, думаешь, по-другому? По-моему, так было всегда: каждый певец своего болота, к тому же художники с музыкантами и остальными не особо пересекаемы. Примерно такая же ситуация была во время приезда «Ирвин» в Москву в конце восьмидесятых, когда многие мечтали чтобы «Лайбах» выступил здесь. Их привезли, сделали квартирные выставки и они укатили с кем-то в мировой тур, не успев пересечься с местными музыкальными кластерами. В результате «Лайбах» прозвучал здесь гораздо позднее.

Г.А. Да, это было и сейчас продолжается. И будет продолжаться из-за местечковой ущербности и зависти, что где-то что-то есть, а под рукой не хватает. И большинство художников вместо того, чтобы спокойно самореализовываться, заискивают: раньше – перед иностранцами, а теперь – перед богатыми жлобами. И когда приехала чуть ли не директор немецкого банка, она в толк не могла взять: как это так, кураторы говорят, что ничего нет, а пресса пишет, что есть?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.